

Позже, ночью, отужинав в одиночестве, я тренировался играть на бас-гитаре. Но тут со стороны входной двери послышался грохот падающих вещей.

— О-о-о... Это абсолютное счастье — умереть под завалом такой замечательной музыки разных времён.

У входной двери лежал в кои-то веки парадно одетый Тэцуро, погребённый под кучей упавших дисков. Растерянно разглядывая потолок, он что-то бормотал себе под нос.

— Будь добр, прежде чем подохнуть, скопи достаточно денег, чтобы я мог жить, ни в чем не нуждаясь.

Кстати, помнится, я там немного прибирался. Но как бы я ни старался их складывать, стопки с дисками всё равно росли всё выше и выше — их было не остановить. Выражая недовольство по этому поводу, я откапывал Тэцуро из-под дисков.

— Когда я умру, тебе придется положить ко мне в гроб «Жар-птицу» Стравинского. Не надо играть что-то вроде «Рэквиема» Моцарта, просто поставьте «Страсти по Матфею» Баха! Тогда я побью рекорд Иисуса Христа и воскресну через два дня.

— В этом нет необходимости — просто отправляйся в ад и не возвращайся! Я же тебе говорил звонить, если выпил.

— А, угу. Я давно не встречался со своими одноклассниками из музыкального колледжа ... буэ-э-э...

Замечательная музыка разных времён, равно как и единственный дорогой костюм Тэцуро, были испачканы его кисло пахнущей рвотной массой. Он был уже полумёртв.

— А-а-а-а-а. Придётся отдать это в химчистку.

После того как его вырвало в туалете, Тэцуро вернулся с бледным лицом. Даже увидев насколько испоганен костюм, он сделал вид, будто это не имеет к нему никакого отношения. Только одно могло заставить Тэцуро прилично одеться — концерт. Из-за своей работы ему часто приходится ходить на различные выступления, а у него только один костюм. Как же мне его вразумить? В любом случае, сделаю ему чашку горячего лимонного сока, чтобы он пришел в себя.

— А-а-ах, я снова полон сил. Мне очень повезло. Моя жена сбежала от меня, но Бог даровал мне сына, способного заботиться обо мне.

Ох, мама, почему ты не боролась сильнее за мое опекунство?

— Хватит с меня женщин. Все пятеро моих одноклассников холосты, и трое из них уже развелись по разу!

Подставляя свои собственные слова, Тэцуро напевал арию Риголетто — «Сердце красавицы склонно к измене». Я надел ему на голову мусорный пакет, чтобы он заткнулся. Подумай о соседях, хватит их беспокоить!

— У тебя ведь всё так же с девчонками, да? Ты уже выкинул гитару, нет?

— Я всё еще играю на ней! Хватит держать меня за неудачника! — я показал на бас-гитару, лежавшую на диване.

— Но ты хреново играешь, разве не так?

— Ну уж извини!

Значит, снаружи всё равно слышно? Лучше не буду подключать бас-гитару к усилителю, когда занимаюсь дома.

— А почему? Она настолько хороша? А, Эбисава Мафую, правильно? Ты о ней уже упоминал. Хорошая девчонка, да. Знаешь, в моем кругу есть глупое высказывание... Видишь ли, женщин музыкантов для обложки альбома фотографируют в профиль, в особенности это касается пианисток. Если она красивая — снимают в пол оборота. Если она сногшибательная красotka — снимают спереди. Я работаю в этой области уже пятнадцать лет, и Мафую на моей памяти первая, кого сфотографировали снизу. Э? Что такое, малыш Нао? Я попал в точку?

— Заткнись.

Я плеснул кружку воды Тэцуро в лицо.

— Какого чёрта ты вытворяешь?.. Малыш Нао, ты так холоден в последнее время. Может, ты меня ненавидишь?

— Слушай Тэцуро...

— М-м-м?

— Ты ненавидишь налоги?

— А? С чего такой неожиданный вопрос?

— Просто ответь.

— М-м-м, ненавижу ли я их или нет... Думаю, было бы лучше без них, так что может быть ненавижу. Хотя я так долго оплачиваю их, что уже забыл о подобном отвратительном чувстве.

— М-м-м, примерно так же я отношусь к тебе.

— Можно я поплачу?..

— Иди на улицу, если хочешь плакать!

Тэцуро зажал под мышкой бутылку виски, и было, похоже, что он и впрямь собирается уйти. Вспомнив, что он может потревожить соседей, я сразу же остановил его. Веди себя как подобает людям твоего возраста и иди уже спать!

— Но мне кажется, у тебя с Эбисавой Мафую нет шансов. Потому что... ну, ты же знаешь, что ты сын музыкального критика, и ей об этом тоже известно. Я только что с концерта Эбичири. Он отказался от моего приглашения с нами выпить, сказав, что ему ещё надо на съёмки ТВ-шоу. Хотя мы поговорили во время банкета — похоже, он останется в Японии до конца месяца, но в июне он уедет в далекие края. Скорее всего, в Америку.

— Я же говорю, ты не так понял... Э?..

Эбичири — отец Мафую — вернулся в Японию?

Он возвращается в Америку в июне. Июнь, о котором говорила Мафую... этот?

— А как же тогда Мафую? Ты слышал что-нибудь о ней?

— Что?

— Ничего. Значит... она тоже поедет с ним в Америку?

В это же время в прошлом году, Мафую, скорее всего, была на мировом туре и летала со своим отцом в Америку и по Европе. Но она ведь не могла совершить такой бессмысленный поступок, как перевестись в нашу школу всего на один месяц, правильно?

— Думаю, она, наверное, не вернется к фортепиано. Я только сегодня услышал об этом. Похоже, тамошние критики понаписали про неё всяких гадостей. Она даже участвовала в конкурсе, не имеющего отношения к Эбичири, и к тому же победила. Но она всё равно находится в тени славы её отца.

— А...

Мне вспомнился случай, когда Мафую смотрела на меня глазами, полными враждебности. «Само существование критиков уже само по себе доставляет неудобства. Они постоянно пишут ерунду». Она и правда когда-то сказала что-то вроде этого.

— Её стиль игры дает повод для нападок. Например, что она недостаточно живо играла; слишком спокойно; что вступительная часть была ужасной; что её музыка напоминает ползающих насекомых; или что она слишком полагалась на технику... Даже я смог тут же придумать немало гадких отзывов, и если бы захотел, смог бы написать 30 страниц на эту тему. Но, в действительности, было бы довольно глупо так поступать — не все вещи, которые ты сыграл, посчитают хорошими только потому, что ты исполнял их с чувством.

— Так значит, Мафую поэтому не играет на фортепиано?

— Не думаю. Но, похоже, они написали о её личной жизни, хотя это не имеет отношения к музыке, только потому, что она дочь Эбичири. Видишь ли, её мать — венгерка, и они с Эбичири сейчас разведены.

— А... Значит она действительно только наполовину японка.

Я вдруг вспомнил тот день, когда я починил её диктофон. Венгрия.

— А ты что, не знал об этом? Ладно, давай закроем тему. Я чувствую себя как папарацци в погоне за сенсацией.

Тэцуро открыл бутылку виски и отпил из горла. У меня больше не осталось сил, чтобы остановить его.

В то время, как я учился в средней школе в Японии, заботясь о своей спокойной жизни, Мафую уже была на другом берегу океана, под тщательно изучающими её любопытными и враждебными взглядами, и жила в страхе, крепко держась за фортепиано. Что же это за жизнь? Я совсем не могу представить себе.

Но все сводится обратно к изначальной проблеме. Если она действительно бросила фортепиано, то почему она играет на гитаре?

На следующий день, когда я зашел в классный кабинет, мои одноклассники обсуждали вчерашнюю передачу.

— Давал концерт?

— Ага, похоже, он уже вернулся в Японию.

— Интервью?

— Они говорили о вещах, в которых я не смыслю. Ведь всё равно не слушаю классическую музыку.

— Они похожи друг на друга?

— Нисколечко. Принцесса, наверное, пошла в маму...

Только из этих отрывков я тотчас понял, что они говорят об Эбичири. Я посмотрел на пустующее место Мафую.

— Ведущий и про Принцессу спрашивал.

— Они с отцом не ладят, да?

Я всё это время думал: вы же знаете, что Мафую скоро придёт, и всё равно громко сплетничаете о ней?

— Нао, твой отец и Эбичири были одноклассниками, ведь так?

— Откуда вы знаете?..

— Так сказала Маки! Ещё она сказала, что пока Эбичири добросовестно учился, твой отец в это время флиртовал с девчонками.

Маки-сэнсэй... не преувеличивайте и не распространяйте эти истории по школе, пожалуйста.

— Что? Так Нао все-таки был до этого знаком с Принцессой?

— Но из того, что я видел, каждый раз, когда ведущий спрашивал о его дочери, Эбичири пытался сменить тему. Ты не в курсе, почему?

— Эм-м, слушайте...

Я снял бас-гитару с плеч и прислонил её к своей парте. Затем я набрался решимости и сказал:

— Перестаньте спрашивать о вещах, имеющих к ней отношение, хорошо?

Все посмотрели на меня с удивлением. Я сделал вид, будто раскладываю учебники, и продолжил:

— Просто оставьте её в покое, хорошо? Она как раненый дикий котенок — если вы к ней приблизитесь, она может и оцарапать вас, но если оставите в покое, она не будет вас беспокоить. Во время мирового турне в Америке, ей хватило проблем, так что...

Говоря всё это, я обратил внимание, что окружавший меня народ смотрел в другую сторону. Почувствовав колющие ощущения в спине, я обернулся и увидел замершую в дверях Мафую. Значит, она пошла в мать? Её белая кожа начала слегка краснеть. Её огромные глаза уставились на меня — кажется, это был не озлобленный взгляд, а скорее, пораженный.

— А, слушай, я не...

Я и сам не был уверен, пытался ли я тогда придумать какое-то оправдание.

— Умеешь ты пустить пыль в глаза, — пробормотала она и направилась к своей парте.

Окружавшие меня парни уже попрятались кто куда.

— Это не то, что ты думаешь.

— Не разговаривай со мной, пожалуйста.

Голос Мафую словно ножницами перерезал соединявшую нас нить. Я мог лишь молчать. Недавно окружавшие меня одноклассники мельком бросали на меня опасливые взгляды.

Чиаки примчалась в кабинет вскоре после звонка. Проходя мимо нас с Мафую, она тоже заметила напряжённую атмосферу.

— Что случилось? — она посмотрела на меня, а потом на Мафую. — Вы опять поссорились?

— Я никогда раньше с ним не ссорилась, так что не употребляй слово «опять».

Сказав это, Мафую отвела взгляд.

Чиаки хотела что-то спросить, но я потянул её за рукав, умоляя ничего не говорить.

Что тут скажешь... Мафую даже ни разу не посмотрела в мою сторону. Она убежала из кабинета сразу же после начала обеденного перерыва.

— Она разозлилась...

— Принцесса разозлилась...

Упрекающий шепот, а также взгляды одноклассников, были направлены на меня. На этот раз виноват был, действительно, я. Мне ничего не оставалось, кроме как встать и выйти из кабинета.

Я вышел во двор и дошёл до старого музыкального здания. Замка не было, и дверь оказалась открытой нараспашку. Я тихонько заглянул в комнату, но внутри никого не обнаружил. Что происходит?

Зайдя в комнату, я увидел гитару, подсоединенную к усилителю, и оставленный на столе медиатор. Похоже, кто-то впопыхах выбежал отсюда прямо перед моим приходом. Значит, мне можно подождать её здесь, да? И тут до меня дошло, что я не придумал, как извиниться перед ней. Почему Мафую так сильно разозлилась на меня?

Сидя на подушке на столе и думая, как бы перед ней извиниться, я нечаянно столкнул рукой медиатор на пол. Им, наверное, пользуется Мафую. Только подняв его, я обнаружил, что он имеет необычную форму.

Грубо говоря, медиатор — это тонкий кусочек пластика в форме треугольника или онигири. Но на обеих сторонах этого медиатора были пластиковые петли.

Я попробовал просунуть в петли большой и указательные пальцы, и они встали в такое же положение, в котором держат обычный медиатор. Однако, мне ещё никогда не попадался медиатор такого типа. Я видел медиаторы, одевающиеся только на указательный или большой пальцы, но медиатор с двумя петлями...

— Не трожь!

Со стороны двери раздался голос, из-за чего я чуть опять не уронил медиатор. Мафую оттолкнула дверь плечом. Я положил его на место и слез со стола.

— М-м-м, слушай... Извини.

Я посмотрел вниз и увидел, что в левой руке она держит небольшой белый целлофановый пакет... это лекарства?

— Ты плохо себя чувствуешь?

Удивленная моим вопросом, Мафую сказала: «Нет». Затем она засунула медиатор и пакет с лекарствами под подушку. Значит, она только что из аптеки?

— Что тебе нужно?

Сказав это, Мафую вздохнула, что довольно резко отличалось от её выкриков, которыми она меня прогоняла раньше. Я бы даже сказал, что сейчас её поведение более пугающее.

В итоге, я прямо ей заявил:

— Я пришел, чтобы извиниться перед тобой.

И начал думать, что сказать дальше, когда Мафую заговорила:

— Зачем? За что ты извиняешься? Давай и дальше рассказывай обо мне всё, что вздумается. Мне абсолютно всё равно.

— Слушай, я всё объясню, так что выслушай меня, — сказал я, сдерживая гнев. — Вчера Тэцуро — это мой отец, кстати — пришел домой пьяный и рассказал мне о сплетнях, которые слышал от других критиков. Он сказал, что несколько американских критиков написали о тебе очень мерзкие вещи. Но он не вдавался в подробности, так что...

— Тогда тебе незачем извиняться передо мной!

Я моментально почувствовал, как моё лицо загорелось.

— Хватит придирается к моим словам.

— Что, ты пришёл выплеснуть на меня свою злость?

— Да нет же, пойми, — я удержал рвущиеся наружу слова и изо всех сил старался сохранить спокойствие. — Хорошо, понял. Я пришел, чтобы извиниться от лица всех критиков мира, которые пишут только ерунду.

Моя привычка говорить чепуху снова взялась за свое. Мафую в удивленно заморгала и сделала недоумевающее лицо.

— Но ты ведь не критик. Хотя я слышала, что им работает твой отец.

— Я тоже критик.

Мафую склонила голову на бок. Её взгляд был полон недоумения.

— Это правда. Я помогал Тэцуро писать статьи под его именем уже четыре-пять раз, и эти статьи издавались в музыкальных журналах. Поэтому это дает мне право извиниться перед тобой, ведь так?

Мафую кусала губы. Потом она посмотрела на пол и помотала головой.

— Я не понимаю, что ты хочешь сказать. О чём ты? — неожиданно сказала она слегка дрожащим голосом. — Почему? Почему ты извиняешься передо мной? Я сделала тебе так много гадостей.

— Значит, ты все-таки это признаешь?

— Идиот.

Мафую подняла голову. Её глаза отражались тусклыми цветами пасмурного неба — прямо как в день, когда я впервые с ней встретился. Было промозглое чувство, как будто надвигался ливень.

— Мне наплевать на эти глупости. Не важно, как они обо мне напишут или что напишут — это не имеет значения. Дело не в этом. Я не была так... не была так...

Я еле слышал сбивчивый голос Мафую, и мне пришлось затаить дыхание. Я думал: где конкретно она находится? Эта непостижимая девочка, окутанная тусклой фиолетовой аурой, должна быть прямо передо мной, но в действительности, насколько далека она от меня? Почему... мои голос и руки не могут до неё дотянуться?

— Почему тебе есть до меня дело? Так же, как и тогда. Почему ты мне помог? Пожалуйста, не надо больше обо мне беспокоиться. Я всё равно скоро исчезну.

Мафую облокотилась о гитару и села на стол, обхватив колени руками и спрятав голову... Шел мрачный ливень, но капли падали только на неё.

Я вышел из кабинета под слабые отголоски продолжающегося ливня. Но майский небосвод был беспечно ясен, и над очертаниями зданий висело всего одно-два облачка.

Я подумал: наверняка ведь о чём-то забыл. Что-то важное о Мафую ускользает от меня. Но я не имел ни малейшего представления, что бы это могло быть. Казалось, что вот-вот начинаю что-то понимать, но эти чувства были целиком проглочены сопровождавшими её воображаемыми

грозовыми тучами. Волоча своё как будто вымокшее тело, я направился обратно в сторону классного кабинета.

<http://tl.rulate.ru/book/23394/494930>